Записки Ленинградского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени горного института им. Г. В. Плеханова, т. XLIX, вып. 3, 1970 г.

В. И. ЛЕНИН О РОЛИ ЗДРАВОГО СМЫСЛА В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Б. Я. Пукшанский

Одной из важных проблем в теории познания является вопрос о взаимоотношении обыденного и теоретического (философского и научного) сознания. Нет ни одной философской системы, где бы не затрагивался вопрос об обыденных человеческих представлениях и понятиях, о доверии или, напротив, о недоверии к так называемому обыденному здравому человеческому рассудку, базирующемуся на этих представлениях и понятиях.

Интерес к данной проблеме не только не ослабел со временем, но даже, напротив, возрос, особенно за последние десятилетия. И это далеко не случайно. «Процесс дифференциации наук, увеличения отраслей знания, специализации с ее особым языком и кругом понятий таит противоречия и определенные трудности. Обнаруживается своеобразный разлад между обыденным и научным сознанием, между «здравым смыслом», чувственно наглядной формой знания и научными абстракциями» [1].

В домарксистской (как и в современной буржуазной) философии вопрос о взаимоотношении обыденного и теоретического сознания хотя и затрагивается многими философами, но решается, как правило, метафизически, односторонне. Философы либо апеллируют к нормам обыденного сознания, к здравому человеческому смыслу, как к безусловному критерию истины (например, французские материалисты XVIII в.), либо, напротив, сурово осуждают и презирают его (Гегель). Но обыденное сознание и здравый человеческий смысл являются столь противоречивыми феноменами, что определение их истинной природы и действительной роли в познании на путях метафизики и идеализма оказывается невозможным.

Впервые правильные методологические указания к решению проблемы были сформулированы в трудах классиков марксизма на базе материалистической диалектики. У Маркса и Энгельса мы сталкиваемся, как правило, с резко критической оценкой роли обыденного здравого смысла в научном познании. «Весь *грубиянский характер* „здравого человеческого смысла",— писал Маркс,— который черпает из „гущи жизни" и не калечит своих *естественных* наклонностей никакими

[1] Труд и долг советского ученого. «Коммунист», 1967, № 3, стр. 6.

философскими или другими научными занятиями, сказывается в том, что там, где ему удается заметить *различие,* он не видит *единства,* а там, где он видит *единство,* он не замечает *различия.* Когда он устанавливает *различающие определения,* они тотчас же окаменевают у него под руками, и он усматривает самую вредную софистику в стремлении высечь пламя из этих окостенелых понятий, сталкивая их друг с другом» [2].

Основоположники марксизма здравый смысл обыденного сознания связывали с метафизическим способом мышления и в первую очередь указывали на его ограниченность. «Этот способ мышления,— указывал Энгельс,— кажется нам на первый взгляд вполне приемлемым потому, что он присущ так называемому здравому человеческому рассудку. Но здравый человеческий рассудок, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения, лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования» [3].

Диалектика, даже в самой первоначальной наивной форме в древнегреческой философии, была всегда дерзким вызовом ограниченности обыденного здравого смысла, и не зря Маркс следующими словами охарактеризовал основателя древней диалектики: «...Гераклит, не только презирающий обыденный здравый смысл, но и ненавидящий его» [4]. Глубокая, уничтожающая критика здравого смысла как метафизического рассудка, содержится и в трудах Гегеля [5].

Но в отличие от Гегеля, основоположникам марксизма была чужда односторонняя оценка здравого смысла, даже как основы метафизического мышления [6]. Более того, Энгельс поставил вопрос и о позитивной роли здравого смысла в процессе формирования материалистического направления в философии. «...материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений...» [7]. Но и в этом плане проявляется противоречивость здравого смысла, его ограниченность, так как, несмотря на все заслуги стихийной материалистической философии, «...она не была способна выяснить отношение мышления к материи» [8], ввиду чего пришлось перейти к не совместимой со здравым смыслом, «...ложной, но для своего времени и для самого хода развития неизбежной идеалистической... форме...» [9] философии.

Дальнейшее обоснование и развитие положений основоположников марксизма, связанных с проблемой обыденного сознания и здравого смысла, содержится в философских трудах В. И. Ленина. Ленин продолжает анализ столь противоречивого гносеологического понятия, как здравый смысл. И если Маркс жестоко высмеивал К. Гейнцена, чей «...здравый человеческий смысл тщетно пытался высмеять философию Гегеля» [10], а Энгельсу пришлось уже защищать от дюринговского «здравого смысла» и Гегеля и Маркса, о трудах которых Дюринг говорит, что их «важничанье и диалектический таинственный хлам никого, в ком еще осталось хоть немного здравого смысла, не соблаз-

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 299.
[3] Там же, т. 20, стр. 21.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Госполитиздат, 1956, стр. 199.
[5] См.: Г. Гегель. Соч., т. IV, Соцэкгиз, 1959, стр. 36—38.
[6] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 21; т. 21, стр. 303.
[7] Там же, стр. 513.
[8] Там же, стр. 142.
[9] Там же, стр. 513.
[10] Там же, т. 8, стр. 300.

нят»[11], то Ленину, несколько десятилетий спустя, пришлось защищать самого Энгельса от таких же обвинений, причем, сколь это ни странно, со стороны уже некоторых «марксистов». Энгельсовская диалектика есть «мистика», утверждал Я. А. Берман[12], один из тех философов-«марксистов», которые отрицали диалектику, как не совместимую со здравым смыслом. Ленин считал, что это «...полное отречение от диалектического материализма, т. е. от марксизма»[13].

Ленин, как в свое время Маркс и Энгельс, строго критически относился к здравому смыслу и его роли в познании. В своем конспекте книги Гегеля «Лекции по истории философии» Ленин приводит слова Гегеля о том, что каждый философ «идет дальше здравого человеческого смысла, ибо то, что обыкновенно называют здравым человеческим смыслом, не есть философия и часто гораздо менее здраво, чем последняя. Здравый человеческий смысл заключает в себе мышление, максимы и предрассудки своего времени и определения мысли этого времени управляют им совершенно бессознательно для него»[14]. Ленин сопровождает эту мысль Гегеля следующими словами: «здравый смысл = предрассудки своего времени»[15].

Но, вместе с тем, Ленин отвергал гегелевскую одностороннюю оценку здравого смысла, резко критиковал Гегеля, отрицающего всякое рациональное содержание в обыденном сознании. Так, например, Ленин решительно возражал против оценки Гегелем материалистической философии Эпикура. «...Если истинным считать ощущаемое бытие,— писал Гегель о теории познания Эпикура,— то тем самым вообще уничтожается необходимость понятия, все распадается без всякого спекулятивного интереса, и, наоборот, утверждается обывательский взгляд на вещи; и действительно, при этом нет никакого возвышения над точкой зрения обывательского здравого смысла, или, вернее, все снижается до уровня обывательского здравого смысла»[16]. Ленин замечает по этому поводу: «*Клеве́ты* на материализм!! „Необходимость понятия" ни капли не „уничтожается" учением об и с т о ч н и к е познания и понятия!! Несогласие со „здравым смыслом" есть гнилая причуда идеалиста»[17]. Гегель писал, что философия Эпикура крайне поверхностна и есть не более, чем «первое начало». Ленин противопоставляет этой идеалистической оценке материализма диалектико-материалистическое понимание позитивной, хотя и противоречивой роли обыденного сознания в формировании материалистического мировоззрения, попутно упоминая и о действительной ограниченности стихийного материализма: «„Первое начало" забыто и извращено идеализмом. А д и а л е к т и ч е с к и й материализм один *связал* „начало" с продолжением и концом»[18].

Если Маркс и Энгельс вопрос о здравом смысле ставили, как правило, в связи с противопоставлением диалектического и метафизического способов мышления и лишь отчасти касались его роли в формировании и взаимной борьбе материализма и идеализма, то Ленин, напротив, основное внимание уделяет именно вопросу о роли и значении обыденного сознания для дальнейшей разработки материализма

---

[11] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 20, стр. 126.
[12] См.: В. И. Л е н и н. ПСС, т. 18, стр. 9.
[13] Т а м ж е, стр. 10.
[14] Г. Г е г е л ь. Соч., т. X, Партиздат, 1932, стр. 28—29.
[15] В. И. Л е н и н. ПСС, т. 29, стр. 245.
[16] См.: т а м ж е, стр. 263.
[17] Т а м ж е.
[18] Т а м ж е, стр. 264.

как мировоззрения вообще и материалистической теории познания в особенности.

С точки зрения материализма, идеалистическое направление в философии всегда считалось верхом абсурдности, нелепости, несовместимости со здравым смыслом. Ленин приводит в «Материализме и эмпириокритицизме» известную характеристику, данную Д. Дидро идеализму, как философскому направлению, которое «...противоречит здравому смыслу и ведет к противоречиям и к абсурду» [19]. И Ленин целиком поддерживает (как в свое время Маркс и Энгельс) ту точку зрения, что материализм и есть единственное мировоззрение, которое не противоречит здравому человеческому смыслу, а идеализм есть, напротив, величайшая бессмыслица [20]. «Спрашивается,— писал Ленин по поводу рассуждений махистов,— как могут люди, не сошедшие с ума, утверждать в здравом уме и твердой памяти, будто „...чувственное представление (в каких бы то ни было границах, это безразлично) и есть вне нас существующая действительность"» [21]? «Наши ощущения, наше сознание,— отмечал Ленин,— есть лишь образ внешнего мира, и понятно само собою, что отображение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего» [22].

Что же касается идеализма, то его возражения против материализма велись по двум противоположным направлениям.

Одно из этих направлений (характерный представитель — Гегель) признавало, что материализм вполне согласуется со здравым смыслом и видело в этом его основной недостаток, поскольку-де материализм не является философией, а есть некритическое обыденное сознание, «обывательский здравый смысл» (Гегель) в конечном счете — предрассудок. Выше уже были приведены критические возражения Ленина на такую оценку материализма.

Подобного взгляда придерживались и многие представители позитивистской философии, с которой боролся Ленин. Ленин приводит выдержки из работы немецкого эмпириокритика, ученика Р. Авенариуса, Р. Вилли о том, что вопрос о мире до человека приводит нас «опять к вещам-в-себе так называемого здравого смысла?» («т. е. к материализму!..» — добавляет по этому поводу Ленин) [23]. По поводу работы другого немецкого эмпириокритика и имманента Т. Цигена Ленин замечает: «„Новейшая" теория Цигена состоит в том, что только „толпа" способна думать, будто „действительные вещи вызывают наши ощущения"» [24]. А представитель немецкой имманентной философии «...Ремке сражал,— как пишет Ленин,— естественноисторический „материализм", эту „*метафизику улицы*"» [25].

Но далеко не всегда идеализм выступал против материализма как философии здравого смысла. Некоторые идеалисты, напротив, утверждали, что материализм как философия находится в вопиющем противо-

[19] См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 18, стр. 28, 30.

[20] Это не значит, конечно, что классики марксизма выводили правильность материализма только из согласия его со здравым смыслом. Напротив, марксистская философия исходит из того положения, что именно благодаря истинности материалистического мировоззрения оно не противоречит здравому смыслу. Что же касается доказательств его истинности, то, как говорил Энгельс, эта истинность «доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 43.

[21] В. И. Ленин. ПСС, т. 18, стр. 115.

[22] Там же, стр. 66 (*разрядка наша.— Б. П.*).

[23] Там же, стр. 78.

[24] Там же, стр. 234.

[25] Там же, стр. 369.

речии со здравым человеческим рассудком. Классическим представителем этого направления являлся Дж. Беркли, рассуждения которого о нелепости материализма были подвергнуты суровой критике Лениным [26]. Рассуждения Беркли, конечно, являлись грубой софистикой, и Ленин, подводя итоги этим рассуждениям, писал по поводу идеалистической философии Беркли, что он «...старался прикрыть ее идеалистическую наготу, изобразить ее свободной от нелепостей и приемлемой для „здравого смысла"» [27].

Идея Беркли о противоположности обыденного человеческого сознания и философского материализма использовалась позднее другим классиком субъективного идеализма И. Г. Фихте. Ленин приводит рассуждение Фихте, в котором тот противопоставляет «философов по профессии» (имеются в виду материалисты) и точку зрения «...здравого человеческого рассудка и действительного сознания», доказывая «ошибочность» материалистического воззрения [28].

Возражения субъективного идеализма (Беркли и Фихте, в частности) против философского материализма как абсурдной, с точки зрения здравого человеческого рассудка, теории, были подхвачены и развиты в философии Маха, Авенариуса и других представителей позитивизма конца XIX — начала XX века. Следует отметить, что отношение махизма к оценке роли обыденного сознания в научном познании было глубоко противоречивым (что, собственно, вытекало из глубокой *противоречивости всей философии Маха и Авенариуса, как, впрочем,* и всего позитивизма, как направления, вообще).

Мах неоднократно противопоставлял свою философию обыденному воззрению людей. «В повседневном мышлении и обыденной речи,— писал Мах,— противопоставляют обыкновенно *кажущееся, иллюзорное действительности*... Но на каком основании мы называем *один* факт действительностью, а *другой* низводим до значения иллюзии?» [29]. *И здесь Мах, пытаясь ответить на этот важнейший вопрос теории познания,* допускает свою коренную ошибку. «...Говорить... об *иллюзии* имеет смысл с точки зрения практической, но ничуть не научной» [30]. Ведь, по Маху, «познание... есть... психическое переживание» [31], а поэтому отличить в науке истину от заблуждения невозможно.

Ленин указывает в связи с этим на основную ошибку Маха в теории познания: «...он смешивает научно-историческое и психологическое *исследование человеческих заблуждений*...» [32], а это, в свою очередь, порождено свойственным Маху непониманием роли практической деятельности людей в процессе познания. «...Для... Маха,— пишет Ленин,— „с точки зрения научной не имеет смысла" различие материалистической теории познания и субъективно-идеалистической!.. Это именно такой вымученный профессорский идеализм, когда критерий практики, отделяющий для всех и каждого иллюзию от действительности, выносится Э. Махом за пределы науки, за пределы теории познания» [33]. Ленин неоднократно подчеркивает, что не только чисто научное творчество, но и обыденная практика (и складывающееся на основе этой практики обыденное сознание с его здравым смыслом) играют в теории познания огромную роль. «...миллионы наблюдений

[26] См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 18, стр. 16—19.
[27] Там же, стр. 20.
[28] См.: там же, стр. 64.
[29] См.: там же, стр. 140—141.
[30] Там же, стр. 141.
[31] Там же, стр. 142.
[32] Там же.
[33] Там же, стр. 141, 142 (*разрядка наша.— Б. П.*).

не только из истории науки и техники, но и из повседневной жизни всех и каждого показывает человеку превращение „вещей в себе" в „вещи для нас"...»[34].

Надо сказать, что Мах также признавал, что обыденная вера людей в действительность заслуживает большого уважения, что каждый философ делает эту «наивную» точку зрения своей собственной, как только отвлекается от философских размышлений: «Профессор Х., который теоретически принимает солипсизм и не допускает другой действительности, кроме самого себя, не следует этой теории, когда, например, благодарит министра за полученный орден или читает лекции в своей аудитории»[35]. И тем не менее Мах настаивает: «Физиологически мы остаемся материалистами с таким же постоянством, с каким мы постоянно видим восхождение солнца. Но теоретически мы вовсе не должны придерживаться этого взгляда»[36]. И Ленин замечает по этому поводу: «остается ценное признание Маха, что в практике своей люди руководятся всецело и исключительно материалистической теорией познания...»[37].

Мах понимал, что субъективно-идеалистическая концепция, взятая в практическом смысле, ведет к солипсизму, т. е. к полному разрыву со здравым смыслом, к абсурду. Поэтому свой идеализм он называл лишь теоретико-познавательным, но ни в коей мере не практическим. Такая постановка вопроса не является оригинальной. Ленин приводит рассуждения немецкого идеалиста Г. Э. Шульце, которые тот высказывал против критики скептицизма материалистами, состоящей в том, что собственное поведение скептика есть лучшее и очевиднейшее опровержение его скептицизма. «Подобные доводы,— отвечал Шульце,— годятся только для черни, ибо мой скептицизм не затрагивает жизненной практики, оставаясь в пределах философии»[38].

Это и только это обстоятельство дает возможность субъективным идеалистам говорить о какой-то, хотя бы видимой приемлемости своей философии для здравого человеческого рассудка. Но это же обстоятельство порождает для идеализма и новые трудности. «Разве это не обскурантизм, когда чистая теория заботливо отгораживается от практики?» — законно спрашивал по поводу этого Ленин[39].

Решительно выступил Ленин и против попытки махистов представить свою философию (как это в свое время делали Беркли и Фихте) как противостоящую лишь философскому материализму, но якобы вполне согласующуюся с непредубежденным обыденным воззрением на мир всех людей, т. е. с так называемым наивным реализмом. «„Примирение" теории Авенариуса с „наивным реализмом",— отмечает Ленин,— вызвало в конце концов сомнения даже у его учеников. Р. Вилли говорит, например, что обычное утверждение, будто Авенариус пришел к „наивному реализму", надо понимать cum grano salis [т. е. с оговоркой, не вполне буквально]. В качестве догмы,— пишет Вилли,— наивный реализм был бы не чем иным, как верой в вещи-в-себе, существующие вне человека. Другими словами: единственная теория познания, действительно созидаемая в настоящем, а не фиктивном, согласии с „наивным реализмом", есть, по мнению Вилли, материализм!»[40].

---

[34] См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 18, стр. 102 (*разрядка наша — Б. П.*).
[35] См.: Б. Бьярнасон. Старые и новые проблемы. ИЛ, 1960, стр. 56.
[36] См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 18, стр. 143.
[37] Там же.
[38] См.: там же, стр. 226 и 143—144.
[39] Там же, стр. 199.
[40] См.: там же, стр. 70—71.

Ленин защищает наивный реализм обыденного сознания от искажения со стороны идеалистической философии. «Ссылка на „наивный реализм", якобы защищаемый подобной философией, есть *софизм* самого дешевенького свойства. „Наивный реализм" всякого здорового человека, не побывавшего в сумасшедшем доме или в науке у философов-идеалистов, состоит в том, что вещи, среда, мир, существуют *независимо* от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего *Я* и от человека вообще» [41].

Ленин подчеркивает и то очень важное обстоятельство, что обыденное стихийное материалистическое мировоззрение, другими словами, наивный реализм, положительно влияет на мировоззрение ученых [42]. Ленин обращает также особое внимание на «...*неразрывную* связь стихийного материализма естественников с *философским материализмом*...» [43]. И, пожалуй, главное обстоятельство, связанное с позитивной ролью обыденного сознания в формировании научного и философского мышления, отмечаемое Лениным, состоит в том, что «„наивное" убеждение человечества *сознательно* кладется материализмом в основу его теории познания» [44].

Особо настаивая *(разрядка наша.— Б. П.)*, ввиду необходимости защиты материализма, на позитивной роли обыденного сознания в научном познании, Ленин тем не менее постоянно напоминает и о слабых сторонах этого сознания, о его ограниченности. «Предметы наших представлений отличаются от наших представлений, вещь в себе отличается от вещи для нас...» [45]. И именно слабость наивного материализма, его неспособность глубоко познать «вещь в себе», т. е. реальную объективную действительность, ведет к появлению различных форм идеализма.

Ленину (как и Марксу, и Энгельсу) было несвойственно отрицание идеализма лишь на том основании, что он противоречит здравому смыслу и является простым абсурдом. Ленин писал: «Философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения *диалектического* материализма философский идеализм есть *одностороннее,* преувеличенное... развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, *оторванный* от материи, от природы, обожествленный» [46].

Анализируя революцию в физике на рубеже XIX—XX веков, Ленин специально останавливается на том факте, что развитие естествознания привело к противоречию новых научных положений и открытий с устоявшимися, привычными для здравого смысла представлениями о природе окружающего мира. Это привело, как отмечал Ленин, к значительным трудностям как философского, так и естественнонаучного характера. В философском плане эти трудности нашли отражение в возникновении так называемого «физического» идеализма.

Ленинский подход к здравому человеческому рассудку, как своеобразному критерию правильности философских и научных концепций, отличается предельной конкретностью. Настаивая на полной согласованности материалистической теории познания со здравым смыслом, Ленин указывает на весьма ограниченные рамки, за пределами кото-

---

[41] См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 18, стр. 65.
[42] Там же, стр. 372.
[43] Там же, стр. 367.
[44] Там же, стр. 66.
[45] Там же, стр. 119.
[46] В. И. Ленин. ПСС, т. 29, стр. 322.

рых компетентность здравого смысла в научном познании резко падает. «Как ни диковинно с точки зрения „здравого смысла" превращение невесомого эфира в весомую материю и обратно, как ни „странно" отсутствие у электрона всякой иной массы, кроме электромагнитной, как ни необычно ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинения их более глубоким законам электромагнитных явлений и т. д.— все это только лишнее *подтверждение* диалектического материализма» [47].

Анализ философских трудов Ленина свидетельствует о том, что правильное понимание природы и характера обыденного сознания и здравого смысла очень важно для решения целого ряда коренных вопросов теории познания. Но успешное исследование природы такого сложного, противоречивого явления, как обыденное сознание, возможно только на основе диалектико-материалистического подхода, суть которого как раздвоение единого и познание противоречивых частей его также сформулировано Лениным [48].

Роль обыденного сознания, здравого смысла всегда была и остается глубоко противоречивой для развития научного познания. Перефразируя известные слова Ленина о роли практики в познании, можно сказать и о здравом человеческом смысле как о своеобразном критерии истинности наших знаний, что этот критерий «...никогда не может по самой своей сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько „неопределенен", чтобы не позволять знаниям человека превратиться в „абсолют", и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» [49].

Вопрос о взаимодействии обыденного и теоретического сознания, о взаимоотношении здравого смысла, науки и философии продолжает стоять перед современной наукой и философией, и с еще большей остротой, чем раньше.

В современной философской литературе, насколько нам известно, пока нет специальных, более или менее значительных исследований проблемы обыденного сознания вообще и здравого смысла в частности, хотя, с другой стороны, трудно найти какую-либо работу по теории познания, а также по философским проблемам естествознания, где бы вопросы, связанные с обыденным сознанием и здравым смыслом, не затрагивались в той или иной степени [50]. Советскими философами написан ряд работ, где эта проблема рассматривается более подробно [51]. Проблему эту ставят в том или ином аспекте и многие современные зарубежные философы и естествоиспытатели [52].

---

[47] В. И. Ленин. ПСС, т. 18, стр. 276.

[48] См.: В. И. Ленин. ПСС, т. 29, стр. 316.

[49] В. И. Ленин. ПСС, т. 18, стр. 146.

[50] Это является своеобразным свидетельством того, что данный вопрос стал (или становится) научной и философской проблемой, которая требует своего всестороннего исследования.

[51] П. В. Копнин. Идея как форма мышления. Изд. Киевск. гос. ун-та им. Т. Г. Шевченко, 1963; Г. С. Батищев. Противоречие как категория диалектической логики. Изд-во «Высшая школа», 1963; К. Р. Мегрелидзе. Основные проблемы социологии мышления. Изд-во Сабчота Сакартвело, 1965; Т. И. Ойзерман. Философия и обыденное сознание. «Вопросы философии», 1967, № 4.

[52] Б. Рассел. Человеческое познание. Его сфера и границы. ИЛ, 1957; Ф. Франк. Философия науки. ИЛ, 1960; Г. Рейхенбах. Направление времени. ИЛ, 1962; Т. И. Хилл. Современные теории познания. Изд-во «Прогресс», 1965. М. Бунге. Интуиция и наука. Изд-во «Прогресс», 1967; Д. Бернал. Наука в истории общества. ИЛ, 1956; О. Д. Дайсон. Новаторство в физике. В сб.: «Над чем думают физики», вып. 2. Элементарные частицы. Физматгиз, 1963.

Столь большой интерес к рассматриваемой проблеме вызван тем, что она теснейшим образом связана с решением целого ряда других проблем как философского, так и естественнонаучного характера. К их числу можно отнести в первую очередь проблему наглядности научных (особенно физических) теорий, вопросы, связанные с очевидностью различного рода доказательств, проблему простоты научных теорий, вопрос о парадоксальности научного знания, вопросы, связанные с диалектикой истины и заблуждения, знания и веры, рассудочного и разумного, рационального и иррационального, интуиции и ряд других. Все эти проблемы возникают в ходе более глубокого осмысления природы и характера современного научного знания. Одним же из отличительных моментов современной науки является все возрастающий отход научных представлений, понятий, теорий от уровня обыденного сознания и «здравого» человеческого рассудка. Особенно это касается физико-математических наук. Крупнейшие представители современной физики неоднократно подчеркивали эту особенность физического познания на современном этапе [53].

Известная мысль Н. Бора о «безумных» физических теориях получила широкий резонанс в среде физиков и часто ими используется для характеристики той или иной теории. Например, видный современный физик Д. И. Блохинцев, выступая на Всесоюзном совещании по философским вопросам естествознания, так охарактеризовал задачу, стоящую перед современной физикой элементарных частиц: «...Нужен серьезный фундаментальный шаг вперед,— и здесь нужно, может быть, только одно слово. Идея должна быть какой-то совершенно „сумасшедшей"» [54].

Надо сказать, что в ходе становления новой научной теории возникает зачастую определенная «недоступность» (на первых порах) этой новой теории не только для обыденного здравого смысла, но и для значительной части специалистов. И неслучайно Г. С. Батищев вводит такое новое (если не по существу, то по форме) понятие, как «научный здравый смысл». Он пишет: «Теоретическое мышление со времени своего рождения утверждалось в противовес стихийности и наивности обыденного сознания и „домашнего" здравого смысла. Можно наблюдать, однако, формирование своеобразной разновидности обыденного сознания внутри самой современной науки, несмотря на то, что она как целое ушла так далеко вперед. Это — «научный здравый смысл...». Прогресс науки, если только он не слишком стремителен, этому весьма живучему сознанию не страшен» [55].

Следует отметить, что сама по себе идея дифференцированного подхода к здравому смыслу, выделения его различных уровней весьма плодотворна и заслуживает большого внимания. Вряд ли только можно говорить о возникновении научного здравого смысла лишь в последнее время. Вся история научной мысли свидетельствует о том, что оба здравых смысла, как обыденный, «домашний», так и «научный» существовали всегда, постоянно взаимодействуя друг с другом.

В современной литературе ставится и обсуждается вопрос о критериях различения подлинно научных (хотя и противоречащих не только обыденному, но и научному здравому смыслу) новых теорий

---

[53] См.: Ф. Д. Дайсон. Новаторство в физике. В сб.: «Над чем думают физики», вып. 2. Элементарные частицы. Физматгиз, 1963.

[54] Философские проблемы современного естествознания. Изд-во АН СССР, 1959, стр. 425—426.

[55] Г. С. Батищев. Противоречие как категория диалектической логики. Изд-во «Высшая школа», 1963, стр. 65.

и открытий от различных сенсационных, но ошибочных, а то и просто вздорных и антинаучных утверждений. Известный физик-кристаллограф А. И. Китайгородский в качестве такого абсолютно точного критерия выдвигает необходимость полного соответствия новой теории уже ранее открытым и достоверным научным фактам и законам [56]. Эта мысль в общем виде, конечно, бесспорна, и определенное соответствие нового знания старому, которое всегда имеет место в развитии науки, может служить в принципе довольно четким критерием научности нового знания. Но, конкретизируя затем это общее положение, обращаясь к понятию здравого смысла, автор приходит к выводам, с которыми невозможно согласиться. Здравый смысл, по А. И. Китайгородскому, есть обобщение предшествующего опыта науки. Поскольку новый опыт не может противоречить уже известным законам природы, постольку новые открытия и теории не должны входить в противоречие со здравым смыслом. Те же противоречия между старым и новым, которые имеют место в науке, связаны, по А. И. Китайгородскому, не с ограниченностью здравого смысла, а с... ограниченностью мышления (?!) [57]. И в конечном счете практически абсолютным критерием научности, по А. И. Китайгородскому, является здравый смысл, «ограниченный жесткими рамками» [58], а все беды идут от ограниченности мышления!

Нет необходимости приводить изложенные выше доказательства несостоятельности противопоставления таких понятий, как здравый смысл и ограниченность мышления, ибо здравому смыслу всегда присуща эта ограниченность (как, впрочем, и всему человеческому познанию вообще). И все трудности, возникающие при попытке согласовать принципиально новые идеи или открытия со здравым смыслом, проистекают от этой ограниченности здравого смысла, не ведающего ничего о тех «жестких рамках», в которых он должен находиться, но которые он постоянно переходит. В конечном счете, все новые теории есть выход за пределы уже известных условий и масштабов и не отменяют старых законов (классический пример — механика Ньютона и Эйнштейна). Но очень часто это становится известно гораздо позже, поначалу даже не осознается самим первооткрывателем.

«Трагичной была первоначальная судьба многих великих открытий и изобретений именно из-за того, что новые идеи, лежавшие в их основе, воспринимались большинством современников как абсурдные... И только недавно в среде ученых начало созревать мнение о том, что „абсурдность", „невероятность" являются естественными чертами всякой действительно новой идеи» [59]. У А. И. Китайгородского же выходит, что «до тех пор, пока он [т. е. первооткрыватель] не сделает свое новое непротиворечивым по отношению к тому, что стало неотъемлемым достоянием науки, он, конечно (?!), не выступит не только в широкой, но и в „узкой", специальной печати» [60].

Рассуждения А. И. Китайгородского о данной проблеме совершенно не соответствуют многочисленным фактам из истории науки, они проводятся на уровне обыденного здравого смысла, но, как это

---

[56] См.: А. И. Китайгородский. Реникса. Изд-во «Молодая гвардия», 1967, стр. 36, 129, 131.

[57] См.: там же, стр. 12—13.

[58] См.: там же, стр. 13.

[59] Логика научного исследования (под ред. П. В. Копнина и М. В. Поповича). Изд-во «Наука», 1965, стр. 241—242.

[60] А. И. Китайгородский. Этот «другой, параллельный мир...». «Литературная газета», 1968, № 49, стр. 10.

убедительно доказано всей историей научной мысли, здравый смысл не может быть положен в основу научного познания [61].

По поводу здравого смысла как критерия научности теории нужно отметить, что он может рассматриваться лишь в качестве относительного критерия, когда дело касается каких-то новых разработок в общих пределах старого знания. Когда же вопрос идет о принятии или непринятии действительно принципиально новых, фундаментальных идей, то здесь данный критерий работает лишь задним числом, а в момент появления нового знания играет, как правило, негативную роль. Академик А. Минц совершенно верно говорит по этому поводу: «История показала: чем крупнее научное открытие, чем оно неожиданнее, тем меньше у него потенциальных друзей. И это понятно: ведь неожиданность любого открытия именно в том и состоит, что оно противоречит устоявшимся представлениям, тем средним нормам, в которых большинство видит мерило правильности» [62].

Подводя итоги краткому рассмотрению проблемы взаимоотношения обыденного «здравого смысла» и теоретического сознания в процессе познания можно указать, во-первых, на важность многопланового подхода к разработке этой проблемы и, во-вторых, на необходимость диалектико-материалистического (не на словах, а на деле) изучения данного явления, основанного на важнейшем ленинском указании о том, что «...диалектика есть изучение противоречия в *самой сущности предметов*» [63].

Анализ особенностей современного научного знания показывает, что поистине пророческими оказались ленинские слова, сказанные еще в начале века: «Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней...» [64].

---

[61] Изложенная здесь позиция в оценке здравого смысла в познании далеко не случайна. Несмотря на то, что А. И. Китайгородский является автором ряда работ философского характера, он, как это ни странно, проявляет открытую неприязнь к философии вообще и ко всем философам, как принадлежащим к прошлому, так и к современным. Так, например, известный греческий философ Горгий представлен им в явно анекдотическом духе (см.: «Реникса», стр. 73—76), да и вообще философия, по мнению А. И. Китайгородского, всегда только мешала и сейчас мешает развитию естествознания (см. там же, стр. 40, 41, 43).

[62] А. Минц. Умение предвидеть. «Литературная газета», 1968, № 31, стр. 12.

[63] В. И. Ленин. ПСС, т. 29, стр. 227.

[64] Там же, т. 18, стр. 298.